

— Что ж, — сказал он себе — стало быть, пока я спал, меня обокрали.

Что было делать? Куда идти? На ум шли всякие темные мысли, когда вдруг он увидел какую-то женщину, которая неслась к нему во весь опор.

— Подожди, ради Бога, подожди! — кричала она.

Персоник посмотрел на нее и узнал ту самую старуху, которая жарила ему рыбу. Старуха подбежала к нему и грохнулась на колени.

— О, Господи! Да что же ты сделал с моим домом и с моими мальчиками?

Персоник удивился еще больше.

— Да я, — ответил он, — и не думал вам ничего плохого делать...

— Пресвятая Богородица! Конечно, ничего, но ведь у нас осталась твоя плетка!

— А, проклятые воры!

— Пожалей же нас, — заголосила старуха, — Бога ради! Нас твоя проклятая плетка уже как следует проучила! — зарыдала и запричитала она.

Персоник тут же забыл, что его обокрали, так ему хотелось узнать, что же случилось с его плеткой.

— А что же такого она вам сделала? — спросил он. — Уж не врешь ли ты опять?

— Бог с тобой! — старуха поднялась на ноги. — Как только ты ушел от нас, Перик, мой младшенький, пошел гнать коров на пастбище и плетку с собой взял. Была у нас коровка-красавица, только отелилась, — старуха снова разрыдалась, — и ей поскорее хотелось вернуться домой к теленку, и вот погнал ее мой младшенький, плеткой стеганул, и, говорит, тут же она замертво и упала... Мы сперва и не поверили, что это от плетки все, и, как ни тяжко нам было, над мальчишкой посмеялись. Но потом средний пошел лошадей пасти. И был у нас один жеребенок — мы бы могли его за четыреста франков на ярмарке продать, — тут старуха снова залилась слезами, — так этот жеребенок не хотел на луг идти. Мой средненький и саданул его по крупу плеткой, тут жеребенок и околел. Мой сынок выкинул эту проклятую плетку и пошел домой: напугался он и расстроился. А старший